

Экономика как царство беззакония

Осипов Ю.М.,

профессор, заведующий лабораторией философии хозяйства экономического факультета
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

E-mail: lab.phil.ec@mail.ru

Аннотация. Рассматривается старая, как сама европейская наука, проблема законов (закономерностей) в экономике, однако с акцентом, не характерным для экономики, в особенности, современной, уже постмодерновой, на их беззаконие и его успешное противостояние и противодействие «законю», что вполне логично ставит последнее под обоснованное и радикальное сомнение.

Ключевые слова: экономика, организация, экономическая самоорганизация, стоимость, экономический закон, экономическое беззаконие.

Наука вообще любит законы, указывающие на наличие устойчивых порядков в онтологической реальности и даже в ее гносеологическом отражении. Настолько сильно любит, что ищет и утверждает законы даже в не самых законотворных и законопослушных сферах вроде человека, его сознания, психики и поведения, как и общества, его устройства, поведенческой динамики и происходящих в нем перемен. При этом наука успешно игнорирует метафизическую философию, не столь склонную поклоняться «объективным законам» и всегда тяготеющую к признанию трансцендентности, ну и само собой вовсе игнорирует религию, открыто исходящую из признания сверхприродного творческого начала и вообще не склонную к культуре какой бы то ни было «объективности».

Однако пришло время, когда науке довелось признать сначала неопределенность (неопределенность, не-пределность), вероятностность, стохастичность реальности, а затем и ее самопроизвольность, беспричинность, «внезапность», непредсказуемость. Тем самым науке пришлось пойти на признание как бы без-законности homo-социальной реальности, пусть и не всей, но ее значительной, если не решающей, части. Правда, наука, верная самой себе, постаралась представить сие признание как сугубо научное открытие новой, пусть и не строго научной, реальности, якобы подчиняющейся просто другим законам — даже если и не совсем законным, а то и вовсе уже незаконным, но все-таки законам!

Так или иначе, но научное познание, всегда уходившее от метафизики и трансцендентности, было вынуждено признать наличие в реальности того, что выходит за рамки законообусловленного бытия, что происходит не совсем по законам, вне законов и даже супротив законов, освящаемых наукой, — и признать это уже не как отклонения, случайности, ошибки, что было поначалу, а как один из фундаментальных принципов homo-социального бытия.

Не сразу, не в один миг, но шаг за шагом наукой было установлено, не без поддержки философии, что реальность включает в себя, по крайней мере,

два параллельно-переплетенных мира — порядковый, закономерный, воспроизводственный, повторяющийся, и стихийный, произвольный, сиюмоментный, неповторяющийся. Второй мир перестал рассматриваться как аномальный, патологический, криминальный, получив в конце концов статус полноценного, полноправного, даже и законного, мира.

Если обратиться к экономике, то научное мировоззрение перестало (правда, более на практике) видеть в экономике — этом оденженном и окапиталенном мире — какую-то оптимально функционирующую машину, реализующую какие-то стремящиеся к оптимуму механические алгоритмы. Экономика все более рассматривается как некое пространство возможностей (и невозможностей тоже), превращение которых в действительность (и недействительность тоже) зависит не столько от законов экономического бытия, как от его — этого бытия — беззакония.

Так традиционная экономическая физика (а наука это и есть физика) стала уступать место постмодерновой экономической метафизике, а экономика все более представлялась как некое гигантское, безразмерное, независимое в целом от воли людей и неподвластное сонму внутренних законов, весьма трансцендентное, счетно-решающее устройство-мир, способное к немоделируемому, непрограммируемому и непредсказуемому решению, действиям и процессам. На место законов и их порядка пришли беззаконие, стихия и импровизация. Все разговоры об обусловленных объективным законом и заведомо необходимым порядком экономических параметрах, феноменах и процессах, как и обязательных и непрменных балансах, распределениях и структурах, были раз и навсегда посрамлены: традиционная экономическая теория — от славной политической экономии рубежа XVIII–XIX вв. до научной экономии конца XIX и почти всего XX вв. — потерпела вполне заслуженное фиаско!

Итак, современная экономика — не более, чем некая среда, однако среда, прежде всего, не пред-

¹ Подробнее см.: [1–3].

метная и не агентная, а виртуальная, эфирная, ноосферная. Не агенты и не предметы в основополагающей среде, а дух, коллективное сознание, коллективное бессознательное, мысль. Выходит, что среда эта, будучи средой информационно-интеллектуальной, вполне думающая, решающая, действующая, мало того — *творящая*. Тут тебе и индивидуальные умы, и коллективные, и институциональные, и трансцендентные (общественные, массовые, мировые). Большой коллективный, упроченный трансценденцией, мозг!

Чем же набит этот мозг? Нет, конечно, не нейронами, хотя нейронов людских в нем, разумеется, хватает, он набит всего лишь *цифрами*, составляющими числа, числовые потоки, но не простыми цифрами, как в математике, а особенными — *стоимостными*, имеющими общепризнаваемую функциональную ценность (значимость) и всепроникающую пространственно-временную мобильность, причем ценность и мобильность социальные, согласенческие, договорные. Это совершенно идеальная ценность, помысленная, измысленная, разумно вводимая, однако получающая постоянное текущее фактическое подтверждение в процессе своего виртуально-идеального, размыслительного — от мозга к мозгу и от нейрона к нейрону — движения.

Экономика — это *стоимость*, а стоимость есть не более чем идеальная, чисто информационная, знаковая, оцифренная *субстанция*, которую любой ныне действующий экономический агент не может не признавать — как онтологически и гносеологически, так и операционно (на деятелей науки такое признание не распространяется). Стоимость — функция сознания, его эманация, как и его принадлежность. Вся реализация стоимости происходит в сфере сознания, в мозгах и головах человеческих, и нигде в другом месте она случиться просто не может. Экономическое число, будучи идейным, мыслимым, памятным (сидящим в памяти), не может ни возникнуть, ни закрепиться, ни использоваться, ни исчезнуть вне и без сознания, вне и без мозгов и голов человеческих, вне и без ноосферы².

Сознание на то и сознание, чтобы не просто вести экономический счет-расчет, манипулировать экономическими цифрами-числами, но и соотносить все свои вычислительно-назначенческие действия с внешней реальностью, получая отсюда необходимую информацию, разумеется, неполную, искаженную, а часто и просто лживую, ее перерабатывая и учитывая в своих решениях и действиях, выдавая во внешнюю среду и свою информацию, вовсе не обязательно и правдивую. Сознание — получатель, производитель и передатчик экономической информации, но насколько собственно индивидуально сознательной, настолько и зависящей от внешних обстоятельств. И выходит в итоге, что вся экономическая параметрия — продукт одно-

временно сознания и проходящей через сознание и обрабатываемой им внешней среды (ее сигналов), что и делает каждый экономический параметр одномоментно как вольным (любим), так и обусловленным (не каким угодно), а что тут оказывается в приоритете: воля или обусловленность — зависит как от принимающего решение сознания, так и от сложившихся при этом обстоятельств, включая и признание средой того или иного субъективного решения.

Главное для нас осознать, что нет ничего, что заранее, неумолимо и безошибочно определяло бы (ставило пределы) экономические параметры, их стоимостные величины и их динамику. Например, цена любого товара не его — товара — цена, от него самого исходящая, а на него — товар — сознанием возлагаемая и только поэтому становящаяся его — этого товара — ценой.

Что нам дает такое осознание?³ Не более и не менее, как адекватное представление об экономике, экономической среде, экономическом мире. Не надо тешить себя надеждой, что можно рассчитать, к примеру, оптимальные, воспроизводственные, взаимосвязанные, да еще и социально справедливые, цены; что можно априорно построить для экономики разные адекватные ей балансы, включая и пресловутый межотраслевой; что можно сотворить какие-то нормальные и вполне обоснованные реальностью деньги, привязав к ним и столь же нормальные валютные курсы. Надо осознать, что экономика, скорее всего, существует *сама по себе*, она принципиально не моделируема и никем извне в целом не созидается. Экономика не нормальна, а аномальна

Неплохо бы также осознать, что нет той людской математики, которая могла бы заменить имманентную экономике математику. Великое достоинство экономики как раз и состоит в том, что она все решает сама и что за нее никто ничего решить *не может*, если, конечно, речь идет не о частностях и кратковременностях, а о целом и непрерывном. Участвовать можно и нужно в экономическом счетно-решающем процессе, как и влиять на его реализацию, иной раз и весьма сильно, но заменить трансцендентную экономическую математику ничем людским нельзя!

Заметим, экономика — это в первую и последнюю очередь *стоимость*, а не те же блага, их производство и потребление. Если бы не стоимость (деньги, цены, капиталы), никакой экономики не было бы вообще, как и не было бы никаких экономистов и, заодно, никакой экономической науки. Натуральное домоводство — никакая не экономика!

В науке очень любят говорить о *рынке*, что как будто бы совсем и не плохо, но вот не мешало бы хоть

² Подробнее о концепции стоимости автора см.: [4–7].

³ О природе экономики, особенностях ее организации см.: [8–17].

как-то расширить этот феномен. Рынок, строго говоря, — сообщество обменивающихся между собой товарами с участием денег агентов — продавцов и покупателей. Однако реальная экономика не только содержит в себе рынок, но и далеко выходит за его рамки. Рынок — компонент экономики, с чем можно и согласиться. Но вот зачем же соглашаться? Разве лишь для констатации того факта, что сообщество агентов все само и решает, причем не как-нибудь, а в ходе свершающихся им товарообменных акций. В связи с этим под рынком обычно и понимается некая самоорганизованная и саморешающая сила, существующая и реализующая не просто в среде агентов, но как бы и *меж* агентами. И весь вопрос тут только в том, в какой же мере все в экономике так вот само и решается, или же иначе: в какой мере это делает именно *рынок*?

Экономика — мир экономических, т.е. стоимостных, агентов. Стоимость, ее вращение среди агентов, ее собственное движение — сквозь и через агентов — позволяет агентам организовываться в функциональные сообщества. Однако ничего кроме решающих и действующих субъектных голов мы тут не найдем (не товары же решают, не деньги же сами по себе!). Все проходит через головы, в них и вершится. Деньги, цены, капиталы, инвестиции, их динамика — все это продукция экономических голов: индивидов, коллективов, институций. Но головы эти разные по мощи своих разрешений — и среди них находятся такие, которые способны к организации не только самих себя, но и близкого или даже далекого от них *экономического пространства* — со всеми его экономическими параметрами, субъектными поведением, движениями стоимости.

Тогда где же тут рынок? Ага, его тут, видно... нет! Выходит, что экономика способна осуществляться, пусть и локально, не полностью, без всякого рынка. Отсюда экономика у нас с рынком (никто этого отрицать не собирается), но не во власти рынка, во всяком случае — в целом, *au total*. Она как рыночна, так и не рыночна! Чего же тогда тут больше: рынка или не рынка? Каждый обозреватель может, конечно, решать по-своему, но мы предпочтем, глядя на современную экономическую реальность, остаться на стороне не рынка, признав факт *управления* не только внутри экономики, но и управления самой экономикой.

Неуправляемых зон в жизнедеятельности человека нет или почти нет: все, так или иначе, управляется, организуется волевым образом из инициационных, эманулирующих и импульсирующих центров. Самоорганизация всегда есть, но более всего как дополнение к организации (несамоорганизации), как реакция на всякие волевые управленческие инициативы. Просто так висящей в воздухе и не подвергающейся внешней (контекстной) аттракции самоорганизации вообще не существует, но вот в некоторых пределах можно и нужно говорить именно о самоорганизации. То же массовое поведение можно

рассматривать как самоорганизационное, но с тем условием, что какой-то скрытый управленческий импульс и для него всегда имеет место.

Неуправляемой экономики нет, хотя нет и тотально, целостно, полномасштабно управляемой экономики. Здесь волевая организация (несамоорганизация) непременно сочетается с волевой, но как бы скрытой волевой, самоорганизацией. Деньги управляемы, цены тоже, инвестиции тоже, кредиты тоже. Вся стоимостная жизнь управляема и одновременно не совсем вся: вся и не вся, ибо есть в стоимостном мире и самоорганизация, однако тоже во многом управляемая, правда, не прямым образом, а как бы без управления, не слишком определенного и явного.

Не может быть ни тотальной планомерности, ни тотальной, чисто самоорганизационной, рыночности. В реальности работает сложная система организации, которую можно назвать «организацией самоорганизации» или же управления с самоуправлением и управления самоуправлением. Однако коллективный научный ум как застрял на представлениях XVIII в., так там и сидит. Рыночная экономика, и все! А на вопрос: управляемый рынок это все еще рынок или же не совсем уже рынок? — обычно следует красноречивое молчание.

Поскольку экономика есть сначала и в основе стоимость, а потом и кое-что еще, эту самую стоимость дополняющее, то, говоря об экономическом управлении, следует прежде всего указать на *управление стоимостью* и *стоимостное управление*. Последнее легче признать, чем первое, ибо управление через деньги, инвестиции, кредиты, цены, валютные курсы и т.д. вполне осязаемо и понятно. Труднее согласиться с управлением стоимостью, но оно ведь тоже есть: выпуск денег, контроль над их ценностью и массой, влияние на большие денежные потоки, на кредитование, на инвестирование, на ту же ценность и движение ценных бумаг и т.д., все это есть не что иное, как *управление стоимостью*. И агент (центр), управляющий стоимостью и через стоимость, управляет если не всем, то очень многим в экономике, но не только — он управляет и всем (или тоже многим) в самом жизнеотправлении человека. Это на практике и фактически и есть *экономизм* — реализация не просто экономических управлений, но и управления многим неэкономическим через посредство экономического, т.е. стоимостного, рычага.

Современную экономику полезно трактовать вообще не как рыночную, а как *сетевую*, реализующую сразу как управление, так и самоуправление, как не рынок, так и рынок, как стоимость, так и не стоимость. Характерные черты сети: 1) взаимозавязанность агентов, товаров, стоимостных параметров и капитальных потоков; 2) возможность эффективного управления сетевыми агентами в сочетании с их самоуправлением; 3) стабильность экономических и неэкономических структур;

4) контроль над экономическим пространством, над производством и предложением, а в значительной мере и над потреблением, над спросом, контроль над продавцами и, соответственно, над покупателями; 5) невозможность эффективного самостоятельного функционирования вне сети (или ты в стае, или уже... нигде!). В современной сети не так уж много рынка, зато много кооперации, сотрудничества, расчета, плана. Но самое важное преимущество сети состоит в том, что у каждой сети есть своя *голова*, она же и *центр*, что позволяет, с одной стороны, всем участникам сети взаимно управляться, а с другой — сильному агенту (голове, центру) управлять не то что более слабыми, а менее способными к топологическому видению, анализу и поведению. Сеть вообще не надо представлять всего лишь как сеть, здесь речь идет об *иерархии*. В сети есть все необходимое для жизнеспособного экономического организма: кооперация и власть, свобода и контроль, инициатива и команда.

Помимо сетей есть еще и *кластеры*, точнее бы сказать, сети дополняются еще и кластерами. Кластер — некая совокупность агентов, объединенных единым пространством, общим воспроизводственным признаком или приоритетным интересом. Это не консорциум, не концерн, не единый агент. Но это и не случайный набор случайных фигурантов. Это организация, базирующаяся на некой самоорганизационной взаимности, нуждающейся в коллективной организации и к ней по мере необходимости переходящей.

Так или иначе, но мы видим сочетание в экономике управления и самоуправления (или «организацию самоорганизации»), но, что самое замечательное, возможное лишь в стоимостной среде, в мире идеальной субстанции, называемой стоимостью. Обычно стоимость связывают с оценкой (ценой), что справедливо, но недостаточно, ибо стоимость не только оценка, но и оцененная масса ценности (деньги сами по себе, инвестиции, кредиты, доходы).

Стоимость — именно *субстанция*, разгуливающая по экономике, во все проникающая, все и вся оценивающая. Субстанциальное понимание стоимости никак не воспринимается подкованными научно экономистами, они все твердят лишь об оценках и ценах, забывая, что на своих личных счетах в банках и в своих кожаных портмоне они держат и даже носят не что иное, как *субстанцию*, пусть и оцененную, но не саму же по себе цену! Цена и масса ценности — не одно и то же!

Стоимость — одно из чудес света, быть может, самое выдающееся изобретение человека, его творческого сознания. Слава финикийцам (или кому там еще?), сотворившим деньги, эту вроде бы пустую, но такую содержательную и значимую абстракцию, мало того, работающую, направляющую, подчиняющую. Товар — пронизанная стоимостью вещь, хотя этой «вещью» может быть и

обыкновенная фикция (фантом), а экономический человек — пронизанный стоимостью, ее духом и сдавшийся на ее милость человек, держащий деньги, ими манипулирующий, все и вся деньгами оценивающий, ими попросту живущий.

Субстанция эта вовсе не мертвая, а вполне живая. Стоимость — живая ноосфера, это сфера разума и сознания, но особого разума и особого сознания, функционирующих по-своему, причем настолько по-своему, что их нельзя ни до конца разгадать, ни полно-объемно смоделировать, ни заменить обычным человеческим разумом и сознанием. Тайна тут, трансцендентность, сверхчеловечность! Это — *космос*! Причем не просто космос, а космос, непрерывно взаимодействующий с хаосом — *хаосмос*! И никому из смертных не отделаться от творящего стоимостного хаоса, как и ни одному из смертных не обойтись без стоимостного же, т.е. производимого самой стоимостью, порядка.

Стоимость на самом деле не что иное, как *хаосмос*, причем совершенно чудесный, способный решать то, чего не может и никогда не сможет решить человек, как и тот же созданный человеком сверхмощный компьютер (если оставаться в экономике, а не перепрыгнуть в ту же технику). И если все это понимать, то не будет необходимости переживать по поводу всяких экономических показателей, которые не более чем лукавые (вибрирующие, меняющиеся, скрытные, обманные) цифры-числа (бог знает, какова на какой-то момент реальная ценность того же доллара и сколько этих самых долларов гуляет в реальном обороте?!). Главное, что *так* решает стоимостная субстанция, хотя на ее решение оказывает влияние и сам человек, бросая в оборот деньги, кредиты, инвестиции, ценные бумаги, влияя на цены, валютные курсы, банковские проценты, денежные потоки, поведение субъектов, институтов, людских масс. Нет и не может быть в экономике никаких оптимумов, хотя и возникают какие-то, человеку заранее неведомые, пределы.

Человек экономический поступает весьма произвольно, но и стоимость не отстает от человека, награждая его своим собственным произволом. Произвол на произвол, а в итоге произвольный итог, во все, быть может, и не оптимальный в человеческом измерении, но зато оптимальный с позиции реальности, если учесть, что реальность заранее никому не известна и бывает такой, какой бывает!

Экономика, базирующаяся на стоимости, не может не быть, при всей видимой упорядоченности, *хаосозависимой*. Порядок в экономике все время меняется, сопрягаясь с беспорядком, который не так даже является свидетельством каких-то текущих неурядиц, как непременным атрибутом переходов от одного состояния к другому. Отсюда есть смысл отличать текущий, так сказать, рабочий беспорядок, от беспорядка исключительного, а то и чрезвычайного, с появлением которого связаны обычно крупные порядковые перемены, качественные скачки и

те же экономические крахи. Ясно, что речь в таких случаях идет о разного рода *кризисах*⁴.

Любой кризис — выступление (а не просто наступление) беспорядка, оплодотворяемого сидящим в экономике хаосным базисом. Обычно кризис связывается с аномалией, болезнью, «плохостью». Это, конечно, так, но кризис также есть весть, сигнал, потребность, как и способ достижения, во-первых, воспроизводственной приемлемости экономики, коль скоро хаосомная жизнь уводит экономику в сторону от этой приемлемости, и, во-вторых, необходимых для дальнейшего бытия экономики перемен, по всему кругу возникающих через кризис потребностей. Кризис — как раз то самое зло, которое творит добро! Кризис — ущерб, но и обретение! Кризис — несчастье, но и благо!

Нам важно подчеркнуть *необходимость* кризисов, нужду в них со стороны экономики. Без кризисов экономика не действует, не организуется, не живет, не развивается сама и не развивает все неэкономическое (производство, потребление, образ жизни, культуру).

Кризис — произвол в экономике, рождаемый произволом самой же экономики либо необходимостью приспособления экономики к каким-то серьезным неэкономическим переменам. Произволовая организация не может обойтись без кризисных произволов! Антикризис возможен, но как атрибут-компонент кризиса, а не как его предотвратитель. Без кризиса нельзя узнать, что преодолевать, от чего избавляться, куда и как идти дальше. Кризис — информатор, судья, палач и *архитектор*! Сам кризис всегда ведь и *антикризис*! Разные сознательные антикризисные действия возможны и необходимы, но не с целью вернуть экономику в до-кризисное состояние, а с целью обретения экономикой нового, как раз уже и *пост-кризисного* состояния.

Экономика — большая, очень большая — гигантская — *игра*; этакая непрерывная, безграничная, во-многом потаенная («чернощичная», и даже «чернодырная») мегаигра; с бесчисленным числом участников, «фишек», фикций и «дурочек», со странными правилами, допускающими и их полное игнорирование с введением в действие любых «неправил»; фактически это *военная игра*, точнее — игра в войну, а еще лучше — игра-война. Экономика — *война*!

Никакой логической модели реальной экономики нет и быть не может. Любое экономическое действие, любое экономическое явление, любой экономический параметр — продукты чем-то изнутри обусловленные, но немногое из перечисленного может быть заранее предугадано, фьючерсно предreshено, заблаговременно запланировано. Экономика всегда одномоментна, хотя она и непрерывна. У экономики нет ни прошлого, ни будущего, тех самых, что достаточно уверенно определяют

настоящее. Настоящее всегда только настоящее, в нем мало чего от прошлого и ничего от будущего. Речь идет именно об *экономике*, этом стоимостном мире, а не о предметах, труде, технике, ресурсах, хотя манипуляции с этими последними тоже ведь полны неопределенности, но, заметим, не такой уж высокой и непостижимой, как у, собственно, экономики. Экономика — сплошная неопределенность, а если и определенность, то, во-первых, внутри неопределенности, а во-вторых, как всего лишь производная от этой вполне необходимой и неизбежной неопределенности.

Вот откуда все невозможности не то что моделирования экономики, но даже ее полноэффективного «прочтения»; так ли уж точны экономическая статистика, экономическая фактология, экономическая картография? Почему это разные эксперты все видят по-разному, а об одном и том же событии имеют прямо противоположные суждения?

Все дело тут как раз в отсутствии законов и строго соответствующих им закономерностей, но зато в присутствии *без-закон-ия*. Да, что-то вроде бы законотворческое наблюдается в экономике, но вовсе «незаконотворное», или, лучше сказать, «*не-от-закона-творное*». Вытянуть из экономики закон и навязать его экономике невозможно, а главное — не нужно! Экономика вовсе не « $2 \times 2 = 4$ », а « $2 \times 2 = 3, 4, 5 \dots X$ »! Где тут закон, в этом « $2 \times 2 = 3, 4, 5 \dots X$ », если только этот закон не произвол? Есть, конечно, какие-то принципы бытия и функционирования экономики, о которых можно и нужно говорить, но вот с *законами* здесь все очень и очень не просто! Автор может решиться указать только на один бесспорный экономический закон, да и то относящийся к деятельности экономического субъекта — закон двойного и балансового счета! Все остальное, обычно почитаемое за закон, не под вопросом даже, а под знаком отрицания, обосновываемым самой реальностью. На каждый такой закон есть свой *антизакон*, и что тут законнее, кто ж знает?

Если к экономической науке подходить как литературе, еще и детективной, то можно прописать десятки законов, якобы присущих экономике, — не так уж будет важно, есть они или нет, соблюдаются ли экономикой или нет. Однако наука, кажется, еще не литература, а потому должна отвечать за свои слова. И на сегодняшний день важнее говорить не о законах, которых либо нет, либо они стираются в реальности действием антизаконов (т.е. их тоже, по сути, нет), а о *беззаконии*, столь характерном для экономического мира, который в рамках законности просто бы давно исчез⁵.

⁵ Отвечая на запросы науки, автор написал в 2010 г. статью об общественных и экономических законах [22], предостерегая от их физико-механического толкования. Сейчас же автор склоняется не так к «законию» в экономике, как к «беззаконию»: реальная экономика все-таки слишком неопределенна, самовольна, импровизационна и неожиданна, чтобы представлять ее функционирование как исполнение законов. Закон — не лучшее понятие для экономики, лишь вводящее в заблуждение!

⁴ Об экономических кризисах см.: [1; 14; 17–21].

Экономика — не только не механическая механика и не организменная органика, она даже не системная система и не структурная структура. Это особого рода мир-интеллект, похожий на интеллект человека, его сознание, но только лишь похожий. Экономика — это не просто особый мир, но и мир, наверное, единственный в своем роде, о котором можно сказать только одно — это... ЭКОНОМИКА!

Список литературы

1. Осипов Ю.М. Основы теории хозяйственного механизма. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994.
2. Осипов Ю.М. Теория хозяйства. Начала высшей экономики: в 3 т. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998.
3. Осипов Ю.М. Тайна стоимости, ее диалектика // Философия хозяйства. 1999. № 5.
4. Осипов Ю.М. Еще раз о пресловутой стоимости // Осипов Ю.М. Очерки философии хозяйства. М.: Юристъ, 2000.
5. Осипов Ю.М. Экономика // Философия хозяйства. 2000. № 1.
6. Осипов Ю.М. Стоимость // Философия хозяйства. 2000. № 2.
7. Осипов Ю.М. Финансомика // Философия хозяйства. 2000. № 3.
8. Осипов Ю.М. Неэкономика (опыт философско-хозяйственного рассмотрения) // Философия хозяйства. 2001. № 3.
9. Осипов Ю.М. Хозяйство и экономика: единство, противоречие... антогонизм? // Философия хозяйства. 2002. № 3.
10. Осипов Ю.М. Экономика в лучах философии хозяйства // Философия хозяйства. 2003. № 2.
11. Осипов Ю.М. Экономический Постмодерн // Философия хозяйства. 2003. № 3.
12. Осипов Ю.М. Эпоха постмодерна. М.: ТЕИС, 2004.
13. Осипов Ю.М. Что есть экономика вообще и что она есть сегодня // Философия хозяйства. 2004. № 3.
14. Осипов Ю.М. Экономический механизм // Философия хозяйства. 2006. № 4.
15. Осипов Ю.М. Новая экономика // Философия хозяйства. 2007. № 4.
16. Осипов Ю.М. Организация // Философия хозяйства. 2008. № 2.
17. Осипов Ю.М. Кризис экономической цивилизации // Философия хозяйства. 2008. № 5.
18. Осипов Ю.М. Мировой кризис и мир // Философия хозяйства. 2010. № 1.
19. Осипов Ю.М. Законы (закономерности) общественные // Философия хозяйства. 2010. № 3.
20. Осипов Ю.М. Обретение. Метафизика бытия и мысли. М.: ТЕИС, 2011.
21. Осипов Ю.М. Российский антикризис // Философия хозяйства. 2014. № 4.
22. Осипов Ю.М. Кризис мира и мир кризиса // Философия хозяйства. 2014. № 5.

Economics as a kingdom without-law

Osipov Y.M.,

Professor, Head of the Laboratory of Philosophy Faculty of Economics Economy
Moscow State University named M.V. Lomonosov
E-mail: lab.phil.ec@mail.ru

Abstract. Considered old as she European science, the problem of laws (laws) in the economy, but with an accent, is not typical for the economy, especially today, already postmodern, their iniquity, and his successful confrontation and opposition to the «law», which is quite logical places recently, under the reasonable and radical doubt.

Keywords: economics, organization, economic self-organization, costs, economic law, economic iniquity.

References

1. Osipov Yu.M. Osnovy teorii khozyaystvennogo mekhanizma. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1994.
2. Osipov Yu.M. Teoriya khozyaystva. Nachala vysshey ekonomii: v 3 t. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1998.
3. Osipov Yu.M. Tayna stoimosti, eye dialektika // Filosofiya khozyaystva. 1999. № 5.
4. Osipov Yu.M. Yeshche raz o preslovutoy stoimosti // Osipov Yu.M. Ocherki filosofii khozyaystva. M.: Yurist, 2000.
5. Osipov Yu.M. Ekonomika // Filosofiya khozyaystva. 2000. № 1.
6. Osipov Yu.M. Stoimost // Filosofiya khozyaystva. 2000. № 2.
7. Osipov Yu.M. Finansomika // Filosofiya khozyaystva. 2000. № 3.
8. Osipov Yu.M. Neekonomika (opyt filosofsko-khozyaystvennogo rassmotreniya) // Filosofiya khozyaystva. 2001. № 3.
9. Osipov Yu.M. Khozyaystvo i ekonomika: edinstvo, protivorechiye... antogonizm? // Filosofiya khozyaystva. 2002. № 3.
10. Osipov Yu.M. Ekonomika v luchakh filosofii khozyaystva // Filosofiya khozyaystva. 2003. № 2.
11. Osipov Yu.M. Ekonomichesky Postmodern // Filosofiya khozyaystva. 2003. № 3.
12. Osipov Yu.M. Epokha postmoderna. M.: TEIS, 2004.
13. Osipov Yu.M. Chto est ekonomika voobshche i chto ona est segodnya // Filosofiya khozyaystva. 2004. № 3.
14. Osipov Yu.M. Ekonomichesky mekhanizm // Filosofiya khozyaystva. 2006. № 4.
15. Osipov Yu.M. Novaya ekonomika // Filosofiya khozyaystva. 2007. № 4.
16. Osipov Yu.M. Organizatsiya // Filosofiya khozyaystva. 2008. № 2.
17. Osipov Yu.M. Krizis ekonomicheskoy tsivilizatsii // Filosofiya khozyaystva. 2008. № 5.
18. Osipov Yu.M. Mirovoy krizis i mir // Filosofiya khozyaystva. 2010. № 1.
19. Osipov Yu.M. Zakony (zakonomernosti) obshchestvennyye // Filosofiya khozyaystva. 2010. № 3.
20. Osipov Yu.M. Obreteniye. Metafizika bytiya i myсли. M.: TEIS, 2011.
21. Osipov Yu.M. Rossysky antikrizis // Filosofiya khozyaystva. 2014. № 4.
22. Osipov Yu.M. Krizis mira i mir krizisa // Filosofiya khozyaystva. 2014. № 5.